

«Пекло, — подумал мужчина, а пот стекал по его гладко выбритому лицу. — Май месяц, а такое аномальное жаро, — сокрушающая мысль витала в сознании. — Надо же было выбрать такую лавочку, прямо под солнцем. Ну почему все остальные заняты?» — взор, полный надежды, смотрел на молодую пару.

«Воркуют, голубки. Ублюдки. Да под деревом, в тенёчке», — злоба в подсознании шла от самого сердца. Но эти страдания окупятся сполна. Мужчина подходил к своему ночному промыслу обстоятельно: покой, никаких эмоций. Сейчас, как раз, идёт стадия первая — разведка.

Пальцы его пробежались по верхним пуговицам рубашки, распахнув две из них.

«Нет, если так продолжится и дальше, я умру быстрее», — вздохнул мученик. Встав, он пошёл к ларьку, окруженному деревьями. Спасительная тень упала на лик.

Так лучше, чувствуется некая прохлада. Цель виделась отсюда не так хорошо, но наблюдать стало намного комфортнее. Раздумья его продолжались. Вокруг ходили люди, проезжали машины, кто-то ехал на велосипеде прямо по проезжей части.

Вот наконец он заметил её. Впереди шагала цель: девушка с чёрными длинными волосами. Тёмные туфельки, юбка, белая блузка. Прекрасное невинное личико. В этот знойный день улыбка играла на её губах, а в глазах светилась радость, словно никакого пекла и не было. Чистая, непорочная...

Понурое лицо мужчины сменилось хищным оскалом. Его мишень — молодая особа, девушка, почти закончившая университет. Прошло уже две долгих, удивительно томительных недели. Он помнит то мгновение, когда встретил её впервые. Сердце, казалось, остановилось, дыхание сбилось, земля заглохла, инстинкты говорили — вот оно, вот!

Ожидание — одно из самых сложных действий, которое только может потребовать от нас бытие. Ему думалось, что мир сдавликает его. Голова всё чаще и чаще кружилась, пища перестала приносить удовольствие. Даже лимонад потерял прежний вкус, стал пресным, отдавал горечью.

Наконец настал этот день. Конец первой стадии. Всё естество говорит: ты — волк, вот она, твоя Бэмби, хватай её. Сожри, растерзай плоть зубами, вырви сердце. Почувствуй вкус чужой жизни.

Мужчина схватился за край окошка. Сдерживать себя было невероятно сложно. Казалось, он занимается самоудушением. Завтра решающий день. Раннее утро станет последним для неё. Эта мысль согрела темную душу внутри, в груди запыхал огонь предвкушения.

Тем временем девушка уже успела уйти домой. Мужчина смог сдержать себя, цена ошибки — его репутация, работа и, что самое главное, свобода. Уверенность в том, что всё получится, вера, решимость — всё это переплелось в один миг. Ради этого дня он угробил две недели. А

теперь...

— Покупать будем, нет? — мерзкий голос жирной тётки прогремел для мужчины как гром среди ясного неба. От неожиданности он вздрогнул, потерялся в клубе своих дум, а сейчас от него что-то требуют.

— Извините, пожалуйста, задумался. Мне буханку хлеба, — доброжелательный голос, улыбка — обмануть таких — раз плюнуть.

Женщина, увидев светлую улыбку, на миг растерялась, а через секунду провалилась в глубины продуктового склада — именно так это представил мужчина. На самом деле она просто достала буханку с нижней полки.

Теперь в руке его лежал белый хлеб, а впереди ждала улица и путь домой. Размеренно и неспешно идя, мужчина пытался вернуться обратно в свои мечты, но у реальности было своё мнение на этот счёт.

Жара всё так же давила ему на разум, он немного забеспокоился, как бы не получить солнечный удар. Кошмарное пекло никак не давало окончательно уйти в себя.

Слева стояла газель, наполненная разными продуктами. Коренастый продавец зазывал покупателей, он и не пропустил мужчину, проходящего как раз мимо него.

— Вах, дорогой, бери арбуз, дыня, помидор, что хочешь! Самый сок, мамой клянусь! — скороговоркой проговорил продавец. — Апельсин, сочны, свежи, от души! — продолжал он.

Мужчина остановился. Пока он думал, стоит ли что-нибудь покупать, мягкий южный акцент, словно дьявол, искушал его. Если верить всему, что он сказал, то, казалось, его товар — контрабанда из самого рая.

Гиви — настоящий мастер продажных дел. С лёгкостью реагирует на малейшее проявление интереса или, наоборот, отсутствие оно. Взгляд покупателя задержался на апельсинах. Это значит лишь одно — пора впарить «оранжевые шары».

«Купил в магазине за одну цену, продал здесь как домашние лохам — что может быть проще? — Так думал Гиви. — Если бы ещё оптом покупали, а не по две-три штуки. Эх... мечты», — вздохнул он украдкой.

Подозрительно, но в это время никто не заметил странно одетое существо, проходящее сквозь любой материальной объект, словно лезвие, но не наносящее ни единой раны. Его остроконечная шляпа, чёрная мантия, фиолетовая роспись на рукавах — всё это с лёгкостью напомнило об образе мага, если бы его увидел какой-нибудь любитель фэнтези.

«Вроде этот подходит... — неуверенно подумал он, смотря на фигуру в очках и рубашке, только что купившую апельсины. — А может и нет... Да и ладно, не понравится — нет так нет, я не подписывался искать рабов!» — флегматично продолжал рассуждать маг.

Протерев очки о рубашку, мужчина зашёл к себе во двор. Сегодня он окончил долгую череду проверок. Настало облегчение и предвкушение завтрашнего дня. Грядущее, вторая стадия, любимая стадия. Бутылки валяются вдоль стены, грязь, лужа. Хрущёвки окружили двор. «Ах да, ещё нужно...» — не успел додумать мысль: резкий звук бьющегося стекла опять вырвал из мира грёз. Только он повернул голову, как увидел бегущего на него парня.

* * *

За несколько минут до этого

Два молодых человека, один краше другого, сидели на корточках. Их окружали дома, и это не удивительно, ведь они сидели во дворе. Прекрасное палящее солнце не придавало им настроения, казалось, сам Дажьбог вышел из своей обители, чтобы уничтожить людей своим жаром. Парни спасались от него около парадной, в тени деревьев, а помогало им в этом любимое пиво.

Одного из них звали Пискалявый. Какое его настоящие имя, мало кто знал, да и мало кого волновало. Получил он это прозвище за свой прекрасный голос, способный, если он закричит, казалось, потягаться с самим Витасом. В глубине души Пискалявый гордился своим голосом, а ещё глубже жила мечта: стать актером театра, выступить, петь, собирать овалы. Но в этой, как он считал, слабости было страшно признаться даже самому себе.

—...и вот подхожу к нему, говорю, слышь, ты! — рассказывал историю Пискаля, театрально размахивая руками в своём репертуаре. Его резкий, скрипящий голос мало кому нравился. Разве что лучшему другу — Вове, который сейчас смотрел на нелепо размахивающего кулаками товарища.

— Получи! На, на, на! — колотили воздух косые взмахи.

Но держать равновесие на корточках, при этом удерживать ладонью бутылку пива, а другой жестиковать — мало кому под силу, и уж тем более не под силу Пискале. Он упал и пролил чудесный напиток, стоивший немалых для него денег.

— Ну ты лох! — «поддержал» собутыльника приятель, улыбаясь до ушей, а его хрипящий и издевательский смех не мог вызвать ничего, кроме раздражения.

Смесь солода, хмеля и воды, а также остальных не менее важных примесей пролилась на парадно-выходную футболку Пискалявого, а что самое грустное — это была футболка, подаренная его бывшей девушкой Настюхой. Никто не знает, почему они расстались, витали лишь несвязные друг с другом слухи. Главным в этой истории являлся тот факт, что Пискалявый крайне болезненно реагировал на малейший намёк в сторону бывшей, особенно, по отношению к по-

даркам. Его лицо мгновенно приобретало багряный цвет, ярость подавляла зачатки разума, а он и без того давно пропился беспорядочной жизнью. Этот момент не был исключением, гнев полностью затуманил рассудок Пискли.

— Тва-а-арь... — процедил сквозь зубы, вставая, Пискаля; тело его напряглось, отчетливо показывая вены на лице, словно у «сушеного» бодибилдера.

Вован поржал на славу, смотря на облитого пивом Пискалю, но теперь, видя его дымящийся от злости вид, он встал и сделал пару шагов назад. Многие годы дружбы научили его: если около тебя злое животное — отойди, оно укусит кого-нибудь другого. А если ты дал ему по морде перед этим... То покажи на того, кого необходимо укусить. Во всяком случае, конкретно с Пискалей это практически всегда работало.

— Ё, смори, какой фраер идёт, — палец указал на проходящего мимо мужчину в очках.

Клетчатая рубашка, хмурое выражение лица. Лысина, в которой, казалось, отражается свет от белой звезды. Несёт авоську.

«Старик идёт из магазина», — пролетела мысль у Вована. «Ща по-быстрому побазарим с ним, и Пискаля остынет».

Пискаля повернул голову. В его ладони всё ещё сжималась стеклянная бутылка «Жигулёвского», а остатки выливались на асфальт, некоторые капли, к тому же, попадали на кроссовки.

Рука с бутылкой медленно поднималась вверх. Вдруг, резким движением Пискаля отправил её на асфальт. Осколки осыпали улицу, дрызг привлёк внимание курящих на балконах и самого виновника торжества.

— Аааа! — заорал взбешенный уникам и побежал, словно бык на красную тряпку, сбивая с ног бедного дядьку, который даже не успел понять, что случилось. Апельсины и буханка хлеба рассыпались по земле. Тот даже не успел и слова промолвить, как ударился о землю.

— Убью! Убью! А-а-а! — орал преступник, отчеканивая каждое слово и методично вбивая в грязь ни в чем не повинного мужчину.

О том, что дядя на самом деле не такой уж и невинный, никто не знал, но кровавые ошмётки продолжали отлетать с костяшек Пискли во все стороны. От такой прыти впал в ступор даже, казалось бы, выдавший буйство Вован.

«Нужно его остановить... Убьёт же...»

— Э... Стой, ему хватит... — неуверенно начал парень, но Пискаля продолжал избивать почти мёртвого человека.

«Нет, нужно быстро что-то делать, реально же убьёт!»

Стремительный рывок Вована в эпицентр безобразия привёл к неожиданному результату.

— Ты чё! — кореш попытался как-то оттащить своего в конец свихнувшегося друга, но неожиданно получил здорово по яйцам.

В глазах заплясали чёртики, а сознание застелила невероятная по своей природе боль. Стоять не было сил, и он рухнул, скрутился, словно эмбрион в утробе матери. Такой засады никогда ещё не случалось с друзьями.

Тем временем лицо случайного прохожего превратилось в кровавую кашу, как и кулак самого повара. Тот прекратил своё дело и в шоке осмотрел блюдо, сотворенное собственными эмоциями.

Эти парни были отморозками, гопниками, так сказать. Отнимали деньги в переулках, дрались по ночам с панками в подворотнях... Но произошедшее — убийство. Беспредел, учинённый ими, не сможет найти оправдания. В будущем Вован скажет, что Писклявый «поехал в край и оборзел, мочить стал, устроил беспредел!», а опер, сдвинув брови, даст одному пятнадцать, а другому десять лет строгого режима.

Внимательно наблюдал за открывшимся спектаклем и маг в широкой остроконечной шляпе. Сидел он на седьмом этаже балкона и прекрасно видел всё, что случилось. Тонкие пальцы в перчатках и с кольцами держали сигарету «Прима». Около него, совсем рядом, растянулось тело того, кто до этого курил эти сигареты.

— Как они это вообще курят? — удивлённо произнёс неизвестный, смотря на сигарету.
— Фу, — с отвращением добавил он и кинул сигарету, она полетела с высоты на козырёк парадной.

Внимательный и цепкий взгляд увидел всё, что нужно. Мысленно кивнув себе, он решил, что дело сделано и пора обратно.

Фигура неизвестного начала искажаться, тело медленно, но верно исчезало из этого мира. Не прошло и минуты, как настоящий хозяин квартиры поднялся с ковра, удивленно взглянул на валяющуюся пачку сигарет, схватился за ноющую голову и подумал: «Блин, опять мигрень прошибла. В обморок упал, слава Богу не свалился с балкона...»